

2. Словарь иностранных слов. – М., 1983.
3. Reber, A.S. The Henguin dictionary of psychology. – London, 1995.
4. Фофанова, Г.А. Метафора как инструмент субкультурной интердетерминации диалогической самости субъектов образовательных субкультур // Философия и социальные науки: Научный журнал. – 2010. – № 3. – С. 68–73
5. Гусинский Э.Н. Введение в философию образования / Э.Н. Гусинский, Ю.И. Турчанинова. – М., 2003.

СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ НАУКА И ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Хафизов Э. Д. (Уфа, Россия)

В настоящее время за пределами России проживают от 35 до 45 млн. соотечественников: из них около 20 млн. в странах ближнего (постсоветского пространства) и еще 10 млн. дальнего зарубежья. Ядро российской диаспоры составляют примерно 25 млн. этнических русских. Миграционные процессы будут только усиливаться. На сегодня эмиграция из страны составляет 100–150 тысяч человек в год. Усиливается тенденция выезда из страны представителей творческой и научной интеллигенции и продолжительная их деятельность вне пределов Отчизны. Специалисты, анализируя миграционные процессы в научной среде, оперируют разнородными и противоречивыми экспертными оценками. В частности, цена эмиграции ученых России и стран СНГ в первое десятилетие постсоветской миграции 1993–1999 гг. эксперты оценивают в 200 млрд. долларов [1]. К концу 1990-х годов в западных странах на постоянной основе работали 20–30 тыс. российских специалистов. Еще около 120 тысяч человек трудились временно, по контракту [2]. Только в США проживают более 16 тыс. докторов наук, выходцев из России. Свыше 3 тыс. специалистов, занятых в «Силиконовой долине», имеют русские корни [3]. Каждый пятый эмигрант из России обладал высшим образованием и преимущественно был занят в интеллектуальной сфере. Так, среди россиян, выехавших в Германию и Израиль, около 80% были ранее заняты в сфере науки и образования [4, с. 128–130]. Налицо процесс оформления «массовой» эмиграции научных кадров и высокопрофессиональных специалистов. Данный феномен предстает все более значимым социокультурным фактором глобальной политики. В связи с этим особую значимость приобретает не только проблема сохранения научного потенциала страны, но и актуальной становится сохранение россиянами за рубежом культурной идентичности и национального самосознания россиян.

Сохранению и приумножению отечественных традиций, осознанию роли и значения отечественных духовных ценностей, способствует обращение к феномену российского послереволюционного зарубежья, представители которой на протяжении десятилетий не только успешно противостояли интеграционным и ассимиляционным процессам в стране

пребывания, но и смогли привнести в инокультурную среду достижения отечественной науки и культуры. Существовавшее противопоставление Советской России и русской эмиграции разделяло развитие отечественной культуры. Сегодня как никогда злободневно оформление единого российского социокультурного пространства. О необходимости расширения рамок сотрудничества и взаимодействия говорилось на втором Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом, на который прибыли около 600 делегатов, представлявших 103 государства.

В создании единого социального и культурного пространства и сохранении ментальности нации существенная роль принадлежит научной и творческой интеллигенции. Опыт Русского Зарубежья свидетельствует о том, что усилиями научной и творческой интеллигенции отечественная социокультурная ментальность смогла успешно противостоять ценностям западного мира. В наследии российского послереволюционного зарубежья отразились итоги полувековой работы наших соотечественников, вынужденных трудиться вне пределов Родины, содержатся основы и принципы отечественной научной культуры, которые к настоящему времени во многом утрачены.

В научной литературе подчеркивается значительная роль представителей социогуманитарной науки в сохранении и приумножении отечественных научных традиций, их несомненный вклад в развитие европейской и американской научной мысли [5, с. 59]. Конкретным научным наследием российского послереволюционного зарубежья стали академические и научные публикации ученых-эмигрантов. В течение полутора десятка лет ими было издано 7038 научно-исследовательских работ [6, с. 133].

Весьма ощутимым было влияние идей и концептуальных установок россиян-эмигрантов на развитие западноевропейской советологии, социологии, политологии, социологии права, криминологии, пенологии, культурологии и т.д. В изгнании россияне основали историческую, философскую, социологическую школы, определили направление развития в биологии, зоологии, технике. Достаточно интересными были исследования в области правовой науки, в которой оформились концепции «социабельного» права Г.Д. Гурвича, права как биопсихологической реальности и социально-культурного явления Н.С. Тимашева, корпоративного солидаризма Г.К. Гинса и др. Гносеологические аспекты права получили отражение в работах Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, С.А. Левицкого, Н.О. Лосского, П.И. Новгородцева, С.Л. Франка и других мыслителей российского послереволюционного зарубежья. Так, усилиями россиян-эмигрантов в Харбине сформировалась самостоятельная юридическая школа, основной состав которой составили преподаватели Юридического факультета. При их самом непосредственном участии стало оформляться китайское гражданское право.

Эмигранты-россияне смогли создать своеобразное интеллектуальное единство, в котором действовали различные национальные научные

сообщества. Следует подчеркнуть, что дореволюционная наука в своем развитии была сопоставима с западноевропейским уровнем. Из числа эмигрантов особенно востребованными являлись специалисты в области естественных знаний и технических дисциплин. Однако гипертрофированное восприятие России как отсталой страны в социально-экономическом и политическом развитии в западном сознании экстраполировалось и в сферу научной культуры. Особенно сложное положение было у представителей социально-гуманитарных дисциплин. Различие академических и научных традиций, навыков научного изложения, стилевые и стилистические особенности, естественная конкуренция и особенно бюрократические требования создавали сложности для научной деятельности. Не случайно многие социогуманитарии изменили направления научных исследований, акцентировав внимание на междисциплинарных направлениях, и смогли заполнить незанятую нишу.

Большая часть ученых-эмигрантов активно включились в интеллектуальную и научную жизнь стран-реципиентов. Вне национальных границ русская наука успешно справилась со своей пропагандистско-просветительской миссией. Научная деятельность в зарубежных научных институтах, лабораториях и образовательных учреждениях не только позволяли россиянам-эмигрантам успешно интегрироваться в мировое научное сообщество, но и сохранить им свою культурную идентичность. Поэтому многие из них смогли достичь высоких результатов и сделать научную карьеру в масштабах мировой науки.

В первое десятилетие вынужденной эмиграции усилиями научных сообществ, ставшими своеобразными центрами научной и культурно-просветительской деятельности, россиянам удалось создать духовное и культурное пространство. Несмотря на усиливавшийся процесс «денационализации» русской науки, постепенную интеграцию ученых-эмигрантов в сферу научных интересов страны-реципиента, сохранявшаяся практика научных публикаций на русском языке свидетельствовала о стремлении сохранить культурную и языковую идентичность и при любой возможности пропагандировать достижения отечественной науки. Специфика развития русского послереволюционного зарубежья состояла в том, что традиции дореволюционной духовной, научной и социальной культур поддерживались в основном представителями послереволюционной волны, которые с неизбежностью должны были интегрироваться в инокультурную среду и ассимилироваться.

Интеллектуальная мысль Русского Зарубежья смогла исполнить свое предназначение. По большому счету, историю российской научной эмиграции можно рассматривать как историю ее успеха. Без особого преувеличения можно утверждать, что традиции отечественной юридической науки на протяжении почти двух десятилетий продолжала сохраняться вне национальных границ. Научное наследие эмиграции и практический опыт представителей творческой интеллигенции востребованы и поныне.

Литература и источники

1. Российская газета. – 1999. – 25 июня.
2. Егоров, С. Диалоги с диаспорой // Отечественные записки. – 2002. – № 7. – С. 273–285.
3. Юревич, А.В. Фетишизм статистики: количественная оценка вклада Российской социогуманитарной науки в мировую / А.В. Юревич, Ф.П. Цапенко // Социология науки и технологий. – 2012. – № 3 URL: <http://cyberleninka.ru>.
4. Ушкалов, И. Интеллектуальная эмиграция и безопасность // Миграция и безопасность в России. – М., 2000. – С. 128–130.
5. Raeff, M. Russia abroad. A Cultural History of the Russian Emigration. 1919–1939. – Oxford, 1990. – P. 59.
6. Ковалевский, П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Paris, 1971.

КОНЦЕПЦИИ БИОЛОГИИ И ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ*

Хен Ю. В. (Москва, Россия)

Влияние биологии на формирование мировоззрения стало особенно заметным к середине XX века. Тогда теорией, объединившей вокруг себя мировоззренческие представления, стал дарвинизм. В настоящее время все большее влияние приобретает экосистемная теория эволюции, с которой связан целый ряд концептуальных преобразований, по-своему формирующих наше видение мира и места человека в нем.

Экологический кризис современности, как бы непривычно это ни звучало, представляется прямым следствием господства дарвинизма и основанного на его теоретических построениях специфического мировоззрения. Эта связь не лежит на поверхности, но если проанализировать тот образ жизни, который вытекает из следования «законам природы», то мы увидим, что он ориентирован на преследование сиюминутной выгоды и не оставляет места для будущего. Кроме того, дарвинизм по своей сути является источником антропоцентрического видения мира, в соответствии с которым человек представляется не просто вершиной эволюции, но и ее конечной целью, тем завершением, за которым не должно следовать ничего нового. Отсюда и панические прогнозы о надвигающейся экологической катастрофе, которая отождествляется с концом человеческой истории. Между тем, если рассматривать историю жизни на земле не с точки зрения человека, а более масштабно, то легко заметить, что прелюдией, сделавшей физически возможным существование человека на земле, была жизнедеятельность и последующая гибель нескольких глобальных экосистем (например, бактериальных матов, создавших необходимый запас кислорода в атмосфере земли). Если покинуть

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 15–03–00034.